

торых определенное искусство передавалось по наследству (что очень важно как для оценки профессионализации, так и вообще для бытования фольклора), то и об этом сохранилось мало сведений. Тот же наблюдательный собиратель П. Мурадян сообщает о такой семье: «Отец и дед Манука Варданяна были стихотворцами-самоучками, чьи произведения по традиции, из уст в уста, без потерь передавались нам». Отсюда видно, что собиратели в некоторых случаях уже догадывались об авторстве своих информаторов. Любопытно, что, по сведениям Мурадяна, стихи без авторского акростиха (мохюр) не принимались обществом.

В тех случаях, когда имена информаторов нам известны, мы располагаем также некоторыми данными о высоком исполнительском искусстве информаторов, к которым,

по-видимому не случайно, обращались собиратели.

Мы не знаем степени репрезентативности контингента информаторов, мы даже не знаем их точного количества. Бесспорно, их было гораздо меньше, чем записанных текстов, которых набралось 19 141.

Предполагая, что у Т. Навасардяна было только 50 корреспондентов и каждый из них в среднем записывал материал всего от 20 человек, можно допустить, что коллекция Т. Навасардяна восходит к сообщениям 1 000 информаторов. В условиях того времени, учитывая добровольный характер собирательской деятельности, подобный факт следует расценивать как значительное достижение.

Полученные количественные показатели позволяют сделать весьма положительный вывод о качестве коллекции.

4. АРХИВ Т. НАВАСАРДЯНА

Архив Т. Навасардяна образует ныне персональный фонд (ФВ1) хранилища Отдела фольклора Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. Этот фонд, насчитывающий 4981 страницу (по пагинации) образует, согласно структуре хранилища, одну часть (ФВ 1:). Следует отметить, что доставшийся институту архив был хаотичен, внутренней структуры не имел, хотя в нем местами обнаруживаются исходные рукописные собрания, которые, кстати, не нарушены генеральной описью, проведенной в порядке общей аналитической документации всего хранилища.

Опись проводилась согласно кодификатору АСД (Армянской системы Левина). При описании архива Т. Навасардяна мы также пользуемся этой документационной системой, которая здесь предстанет в выдержках.

Следует оговорить, что наш обзор подчинен общей цели работы, а именно описанию и оценке наследия Навасардяна. Этим определяется и подход к содержанию архива. Описание по существу содержания фольклорных материалов, собранного в архиве, полностью исключается из нашей задачи, хотя бы потому, что всякое изучение фольклора имеет свой предмет и не может вестись на уровне одной коллекции. Для решения проблем фольклора, словесности необходимо использовать всю совокупность доступного материала, а не только одного собирателя или рассказчика. Исследовать надлежит произведение.

Под содержанием архива, в отличие от фольклора мы понимаем довольно определенным, истинно-научным уровнем. Нами описаны географическое происхождение материалов, хронологическая динамика поступ-

ления записей, язык текстов (поскольку в архиве Навасардяна содержатся и неармянские тексты), наконец, содержание записей на уровне документационных видов. Для большей наглядности создана сводная документация, которая может быть научно-исторически и культурно-исторически интерпретирована, причем не только в рамках описания деятельности Навасардяна. Нельзя упускать из виду, что архив Навасардяна, в том виде, в каком он нам достался, целиком и полностью является своеобразным памятником культуры.

4.1. Общая статистическая характеристика.

На 4981 странице содержатся, согласно нашей генеральной описи, 13200 «текстов», т. е. «единиц информации». Когда мы имеем дело с записями фольклора, что объем, т. е. пределы «текста», особых проблем не вызывает. Каждая песня, каждое четверостишие, загадка, пословица, сказка или предание образует «текст», т. е. единицу. Информатор создает начало и окончание произведения и соответственно это записывается также собирателем.

Когда мы имеем дело с этнографией, то подсчет уже усложняется. Неясно, что считать «началом» сообщения, а что «окончанием», выделять ли элементы описанного обряда (например, песню, которая исполняется в ходе обряда), как вообще поступить с описанием того или иного периода жизни людей, например с описанием воскресного дня или процесса весенних работ и т. п. Нужно ли считать целую написанную тетрадь с полемым левинским этнографом отдельным «текстом» и «единицей»? При учете материалов архива эти вопросы непременно воз-

никают и создают немалые трудности. Согласно кодификатору АСЛ все эти вопросы решены принципиально. Мы не будем задерживаться на этой проблеме по двум причинам: во-первых, автор системы, И. Г. Левин, сформулировал соответствующие инструкции, а во-вторых, в архиве Навасардяна оказалось относительно мало этнографических материалов и преобладает фольклор, т. е. записи словесности, которые, как уже отмечено, для учета неproblemатичны.

Из 13200 «текстов» 12705 относятся к разряду «фольклора», а 216 составляют «этнографию», 279 единиц содержат информацию, которую нельзя отнести непосредственно к «фольклорным» текстам. Без специальных оговорок эти сообщения нельзя включить и в «этнографию», хотя они представляют интерес для этнографии.

Приведем тематику этой информации с указанием числа выделенных нами единиц.

Таблица 3

0.0.0.	Неэтнографические и нефольклорные данные	Количество	% к 100 %
0.1.0	О месте записи	10	2,7
0.2.0	О времени записи	2	0,5
0.3.0	О собирателях	9	2,2
0.3.2	О коллекциях	130	33,5
0.4.0	О ко-респонденте	10	2,7
0.4.1	О его территориальной группе	1	0,2
0.5.0	Интерпретация явлений	101	27,5
0.5.1	Перевод	16	4,4
	Всего	279	100 %

В этом разделе выделены сведения о материалах, попавших в архив Навасардяна, в частности переписка с корреспондентами, где немало интересных наблюдений. Сюда же относятся дополнительные данные о месте и времени записи. Особое место по кодификатору отводится различным комментариям и интерпретациям записанных явлений, которые даны собирателями от себя. Это весьма ценный материал по истории научной мысли и для характеристики мировоззрения и понимания собирателей.

Размежевание «фольклора» и «этнографии» произошло в науке довольно поздно и укоренилось в России по ряду причин. Это разделение было затем внедрено в научную жизнь советскими вузами. Определенную и довольно спорную роль в этом раздвоении предмета сыграл М. К. Азадовский.

В XIX в. народovedческая наука не признавала такого подразделения и тем более противопоставления «этнографии» «фольклористике», хотя уже намечалось обособление «словесности» от «вещевой культуры», однако обряды, верования, игры и т. п. в практике ученых и собирателей тяготели больше к «духовной культуре», куда относилась и вся-

кая народная словесность. Так, уже в конце 1890 г. М. Абебян ввел в Эчмиадзинской семинарии Геворкян специальный курс народной словесности.

Естественно, что каждый собиратель выбирал себе то, что его интересовало, но в общем полевая работа собирателя была комплексной. Это нашло отражение в предисловии к сборнику «Гроц-броц» Г. Срвандзтянца: «Наша цель—вспомнить кое-какие моменты из быта народной жизни, которые могут осветить историю нации, язык и литературу. Достоинны внимания общественные и религиозные торжества, пословицы, клятвы, проклятия, благословения, песни, танцы, игры, которые вообще отразят историю жизни и языка». Таким образом, уже Г. Срвандзтянец развернул полный каталог народovedения, который и ныне не совсем укладывается в «этнографию» или «фольклористику». Его интерес был обращен скорее на социологию и историю. Объектом исследования Срвандзтянца выступала «нация» как историческая категория. Это ствечало научным требованиям, практиковавшимся в Западной Европе, которые затем были реализованы в России и в форме специальных программ рекомендованы любителям культуры народов Кавказа. Такой подход был в свое время достаточно прогрессивным, однако в последующем объект исследования и методы значительно расширились и уточнились.

Поколение Т. Навасардяна следовало этой широкой программе безусловно и мы вправе были ожидать наличия соответствующих материалов в его архиве.

Интерес к этнографии, духовной и материальной культуре прослеживается на протяжении всего периода деятельности Т. Навасардяна и его сотрудников. В нашем распоряжении записи с 1860 по 1900 гг. Разумеется, интенсивность сбора сведений по «этнографии», по субъективным причинам, неодинакова. Следует отметить, что в сущности вся информация, находящаяся в архиве, преимущественно «словесная». Предметы народной жизни, быта, орудия не коллекционировались.

Этнографические записи особенно богаты в 1890—1900 гг. Сам Т. Навасардян к подобным материалам обратился в 1890 году (VI том сборника). Его привлекли детские игры, занявшие прочное место в армянском народovedении. Отметим, что еще Г. Срвандзтянец рекомендовал собирать детский фольклор. Этим занялись Каджберуни, Тер-Александрян, Прошян, Тер-Саркисянц (Тевкани) и др. Ованес Бархударян в 1895 г. смог уже издать целый сборник детских игр. Эти усилия имели педагогическую направленность.

Предлагаемый список этнографических

Таблица 4

Жанр	Кол-во текстов
1.4.8. Очаг и печь, кухня	1
1.7.0. Мебель и вещи	1
2.0.6. Одежда	1
5.3.2. Состязание подвижное	16
5.3.4. Детские игры	13
6.1.1. Астрология (приметы погоды)	1
6.1.2. География	2
6.1.8. Зоология и ветеринария (фауна)	1
6.2.2. Мелница	41
6.4.2. О демонах и злых существах	6
6.5.2. Неписанные иероглифы	97
6.5.3. Святое действие (ритуал, церемония, обряды, жертвоприношение)	36
Итого:	216 текстов

Из данных табл. 4 и 5 выясняется, что больше всего собрано материалов духовной культуры. Записи произведены неравномерно в Восточной и Западной Армении, а также у армян Крыма. Так, в 1860—1870 гг. по субъективным причинам нет ни одной записи этнографического материала. В этом десятилетии имеются только записи от Баатэрян, которых вначале интересовало собирание народных сказок. В 1870—1880 гг. записанные этнографические материалы не отличаются разнообразием. В последующее десятилетие и особенно в 1890—1900 гг. записи этнографических материалов учащаются. Отметим, что в те годы этнографические материалы записывались вместе с фольклорными. Так, Баатэряны в 1870—1880 гг. в Нагорном Карабахе записали наряду с фоль-

Таблица 5

Место записи	Собиратель	Жанры по десятилетиям				X
		1860—1870 гг.	1870—1880 гг.	1880—1890 гг.	1890—1900 гг.	
Шуши (Карабах)	Баатэрян		5.3.4.			
Н.-р-Шэн (Карабах)	Тэр-Иоанисян Микаел			5.3.4. 6.5.3.		
Асталап	Абебян Манук				2.0.6. 6.4.1. 6.4.2. 6.4.5.	
Вагаршапат	Агазаян Гаспар			5.3.4.		
Юзачичак	Тэр-Геворкян Рафаел			6.5.2.		6.5.2.
Бада (Крым)	Матинян					
Екатеринодар	Кшакян Минас			6.5.3.		6.4.2.
Карич	Газанчян					6.5.2. 6.5.3.
Ван	—		6.4.2. 6.5.2. 6.5.3.			
Джагалу	Навасардян Тигран			5.3.4. 6.5.2.		
Гандзак	—			6.1.2. 6.1.3. 6.1.8. 6.2.2. 6.4.5. 6.5.3.		
Ван	—			6.4.5. 6.5.2. 6.5.3.		
Айрарат	—			6.5.2.		
Алашкерт	Муральян Погос			6.5.3. 5.3.4. 6.5.3.		

материалов из архива Навасардяна мы группируем по классификатору АСЛ. Несмотря на незначительное количество, этнографические материалы разнообразны в тематическом отношении. Чтобы лучше представить себе распределение этнографически: записей географически и хронологически, мы составили сводную таблицу, куда внесли также и имя собирателя:

кзорными материалами ряд народных обычаев. Гр. Ходжамирян в 1870-х гг. записал материал о домашней утвари, о специальных предметах, употребляемых при выпечке хлеба, а также об одежде. Матинян в 1880-х гг. собрал материал о суевериях, а также образцы словесности в Шнохе (Лори). Навасаряна заинтересовали сведения о жизни и быте армян Крыма, он, в частности, запи-

сал детские игры. Кацахян подробно описал обычаи, широко распространенный среди крымских армян во время Вардавара.

Ряд коллекций озаглавлен, например: «Сборник записей на диалекте, загадок, проклятий, благопожеланий, детских песен, поговорок, скороговорок, описаний орудий, животных, деревьев, различных трав, утвари, цыстов и растений» М. Тер-Ованисяна (1881, с. Нор-Шен, Карабах); «Духовный мир ванских армян—песни, поговорки, беседы, загадки, проклятия, суеверия, обычаи и т. д. с грамматикой и словарем»; «Народные предания на диалекте Дарачичака, собрал Рафаэл Геворкян в 1884 г., сказки, народные песни, загадки, проклятия, благословения, клятвы, скороговорки, суеверия».

После 1870 г. значение собрания этнографических материалов поняли не только лица с европейским высшим образованием (как Баатэряны), но и сельские интеллигенты, получившие образование в провинциальных школах (например, Рафаэл Тер-Геворкян, Гаспар Агазян, Погос Мурадян и др.).

Тексты фольклора подразделены, согласно кодификатору, на разряды: «язык» (7), «проза» (8), «поэзия» (9). Каждый из этих разрядов имеет ряд подразделов, достаточных для первичной описи материалов. По этой схеме собственно фольклорные тексты в архиве Навасардяна распределяются по разрядам F7, 18, F9 следующим образом:

F7. Язык

- F7.0.1. Формулы—30 (кол-во текстов)
- F7.0.2. Словарные материалы—264
- F7.0.3. Топономика—11
- F7.1.1. Формула вежливости и контакта—3
- F7.1.3. Пожелания, благословения—396
- F7.1.4. Молитвы—28
- F7.1.5. Проклятия, заклинания—5665
- F7.1.6. Выкрики торговцев, побудки и т. д.—2
- F7.1.7. Зачины повествовательные—4
- F7.1.9. Концовки повествовательные—23
- F7.2.1. Пословицы-поговорки—5387
- F7.2.3. Сравнение—12
- F7.2.5. Скороговорки—148
- F7.2.6. Считалки—28
- F7.2.7. Дразнилки—169
- F7.2.8. Устойчивые фразеологизмы—1331
- F7.3.0. Загадки—2398
- F7.3.1. Шутки—5
- F7.5.2. Ласкательные слова—132
- F7.5.3. Клички—2
- F7.5.5. Пародии чужих языков и говоров—4
- F7.7.1. Предметы с надписями—2
- F7.7.2. Предметы с символическими знаками—2
- F7.8.2. Книжность—2

F8. Проза

- F8.1. Мемораты (зруйц) воспоминания о личных переживаниях—1 (кол-во текстов)
- F8.1.4. Мемораты (зруйц) о сверхъестественном—4
- F8.2. Предания (хроникаты, фабулаты, легенды)—42
- F8.2.1. Предания о природе—7
- F8.2.4. Предания о сверхъестественном—29
- F8.3. Басни (притчи, небылицы и кумулятивные)—321
- F8.3.1. Басни об эргологии—8
- F8.4. Сказки—210

F9. Поэзия

- F9.1. Эпические песни—6 (кол-во текстов)
- F9.1.4. Эпические песни о сверхъестественном—2
- F9.2.1. Духовные песни о природе—4
- F7.2.5. Духовные песни (стереотип поведения)—6
- F9.3. Ашугские песни—78

- F9.3.2. Ашугские песни о человеке—2
 F9.3.3. Ашугские песни об обществе—1
 F9.3.4. Ашугские песни о сверхъестественном—2
 F9.4. Айрен, антуни—14
 F9.5. Хагки (четверостишия)—1074
 F9.6.9. Песни об эргологии—2
 F9.6. Песни—186
 F9.6.2. Песни о человеке—6
 F9.6.5. Песни (стереотип поведения)—107
 F9.6.9. Детские и колыбельные песни—250

Итак, на 12 подразделов падает коллекция из 12074 текстов. Остальные разделы немногочисленны.

Многожанровость материалов фонда Навасардяна связана с его желанием охватить все жанры без отбора и собрать все то, «что осталось традиционного у народа до сих пор»² (см.: Нор-дар, 1890, № 143).

Из лирических произведений много четверостиший. Причины различны: во-первых, легкость записи коротких произведений. Во-вторых, пословицы-поговорки, загадки, клятвы, благословения употребляются в любом случае. Но сказки, басни рассказывают в свободное от работы время, в специальных местах для сборищ, в длинные зимние ночи. Такие условия не всегда бывают.

Нельзя не учитывать также влияния собственных увлечений собирателей. Однако основной причиной большого количества записей определенных жанров является установка Т. Навасардяна на создание словаря араратского диалекта и просьба к собирателям обращать внимание на конкретные жанры.

4.2. Ареал или топография. Территориальное размещение материалов имеет едва ли не главное значение для характеристики фольклорной коллекции. Следует отметить, что география охвата довольно широка. Если Г. Срвандзтянцу удалось собрать материалы только в Западной Армении, то заслуга Т. Навасардяна и его корреспондентов в том, что они добыли материалы от восточных армян, причем не упустили из виду и древние «островные» колонии крымских армян—из Симферополя и других местностей. Самые ранние записи в коллекции Навасардяна происходят из Карабаха и Вана, что имеет особую культурно-историческую ценность. Географическое происхождение записей наглядно показано на картограмме № 2.

Уместно отметить, что генеральная опись хранилища фольклора ИАЭ АН Армянской ССР предусматривает картографирование любой информации. Картограммы должны служить одним из основных инструментов анализа явлений культуры. Каждый текст, т. е. каждая архивная единица, описана по постоянным географическим координатам, а не по преходящему административ-

ному делению. Как известно, земной шар подразделен географами по параллелям на пояса, которым придан буквенный индекс. Меридианы пересекают эти пояса, образуя большие трапеции, которым присвоен двузначный цифровой индекс. Таким образом, каждая трапеция может быть легко обозначена кодом из буквы и двух цифр. По АСЛ эта трапеция сперва делится на равные квадраты, размером 3×3, которые обозначаются порядковыми номерами от 1 до 9. Таким образом, четвертым цифровым знаком уточняется квадрат в рамках трапеции. Каждый из образованных девяти квадратов подразделен на мелкие поля (4×4), которым присвоен двузначный порядковый номер: от 1—до 16. Таким образом, всего шестью знаками может быть закодировано любое место на карте. Микрополе образует площадь примерно 25×25 кв. м. Для городов, поскольку они являются сосредоточением населения из различных районов (что в социологическом отношении важно), как предусмотрено АСЛ, вместо последних трех цифровых знаков поместить буквенное сокращение (обычно из трех первых согласных) наименования города. В результате такого кодирования места записи можно быстро получить все имеющиеся в архиве записи определенного населенного пункта, а также составить картограмму для любого вида информации, по любому времени записи, от информаторов различных половозрастных групп и т. д. Вместе с тем возможно установить относительную и абсолютную интенсивность собирательской деятельности по карте. Это позволяет оценить специфику любой коллекции по сравнению с другой.

Этих предварительных замечаний должно быть достаточно для чтения прилагаемой картограммы всех материалов, собранных в 1860—1900 гг.

Полученные фольклорные данные по конкретным регионам позволяют восполнить сведения по истории науки.

Из данных картограмм выясняется, что в 1860—1900 гг. собирателями охвачено было 42 местности, из коих 6—крупные города, 12—местечки, 16—деревни и села. Однако больше всего внимания собирателями уде-

КАРТОГРАММА 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1860-1900 гг.)

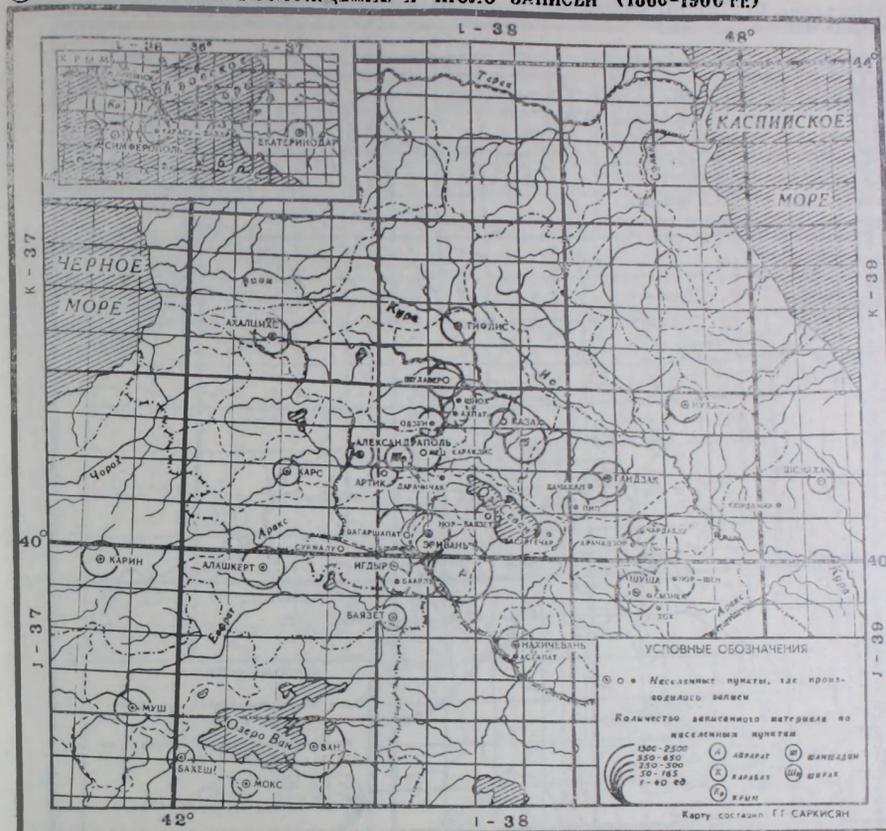

Рис. 6.

лялось деревням. Из картограмм выясняется также интенсивность работы собирателей в определенных местностях. Больше всего собрано материалов из Вагаршапата (Эчмиадзин), Еревана, Карабаха и Вана. Это явление обусловлено организационными и общественными обстоятельствами фольклористики, а не бытованием фольклора. Так, в Вагаршапате Т. Навасардян, а ранее, с 1870-х гг., в Вана Г. Срвандзтянц собирали и организовывали на месте грамотных людей для сбора материалов по фольклору. Известную роль сыграла семинария Геворкян, ученики которой по советам своих учителей стали записывать фольклор от жителей Вагаршапата. Следует вспомнить и о деятельности

Баатэряннов в Карабахе, в частности в Шуши, еще в 60-е гг., которые стали примером для многих собирателей. Итак, наличие армянской интеллигенции в этих местностях имело решающее значение для интенсивной работы по собиранию фольклорных материалов в регионах, населенных армянами.

Подготовлены картограммы по десятилетиям, благодаря чему выявилась диахроническая динамика в изучении отдельных районов. Картограммы 2, 1-2, 5 показали, что основными районами в записях Т. Навасардяна являются Карабах, Ван и Муш. Является ли это результатом бытования фольклора или следствием случайности? Интерес к фольклору в те времена носил обще-

78 КАРТОГРАММА 2.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1860-1870 гг.)

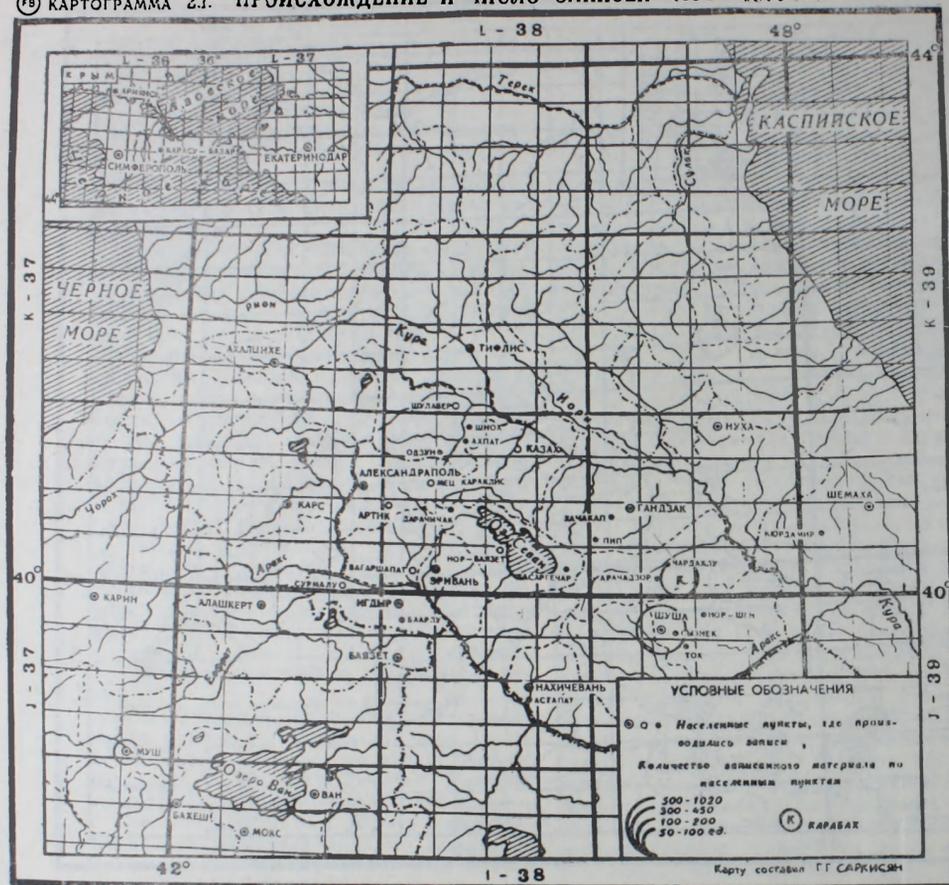

Рис. 7.

национальный, а не региональный характер. В указанных местах жили собиратели, проявившие к делу большой интерес. В коллекции 1860—1870-х гг. представлены в основном материалы из Карабаха, собранные тремя собирателями—Александром, Григором и Аракемом Баатэряннами. Спустя десятилетие собраны уже материалы из 20 местностей, что, вероятно, связано с распространением народно-освободительного движения, пробуждением национального самосознания. Показатели двух картограмм, представляющих 1870—1880 и 1880—1890 гг., по числу местностей, где собран материал, почти одинаковы—всего 21 местность. Известно, что мате-

риалы 1870—1880 гг. собраны без вмешательства Т. Навасардяна. После призыва Навасардяна в 1882 г. готовые рукописные сборники были представлены ему. Вероятно, призыв Навасардяна способствовал продолжению записи материалов в прежних местностях. Однако некоторые местности, зафиксированные на первой картограмме, отсутствуют во второй, вместе с тем появляются новые места собрания. Таким образом, с течением времени менялся и ареал собирательства, и интерес к фольклору, который то затухал, то вновь разгорался.

4.3. Хронология. Распределение материалов во времени характеризует только дина-

КАРТОГРАММА 2.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1871-1880 гг.)

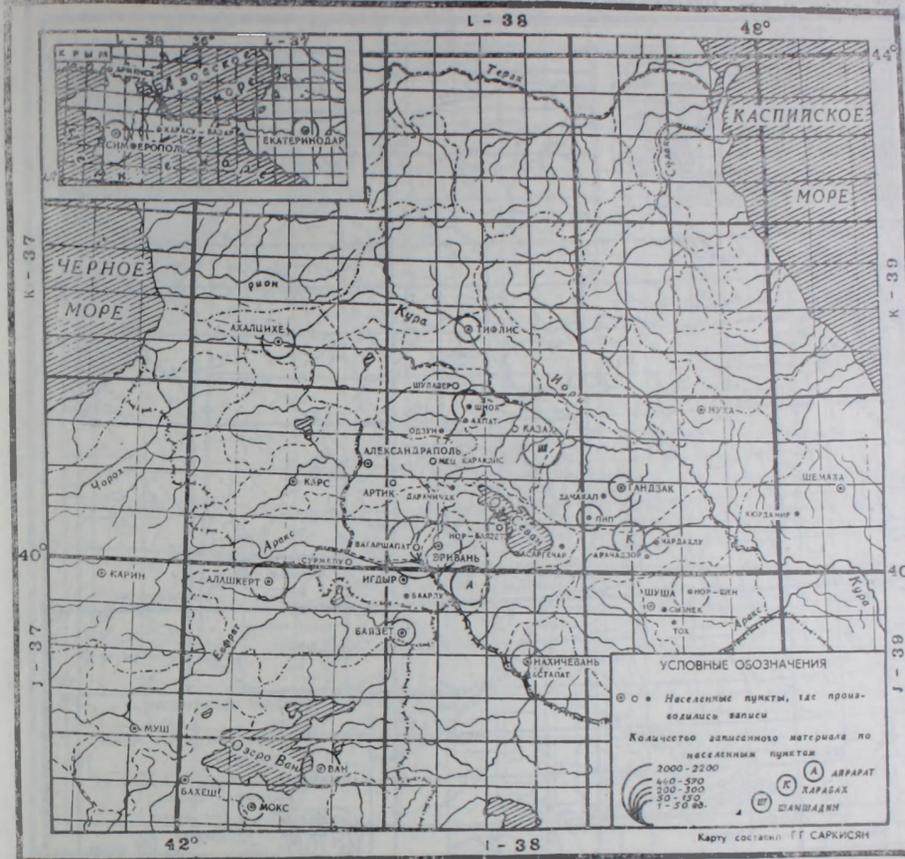

Рис. 8.

мику деятельности собирателей. Мы можем описать поступление материалов двумя путями.

Во-первых, можно изобразить хронологию записей в виде кривой (см. хронограмма № 1), где по вертикали помечено число текстов («единицы»), а по горизонтали—годы записей. Эта кривая покажет пики и спады за период формирования коллекции и может быть истолкована как результат взаимодействия субъективных и объективных факторов. Например, нетрудно проследить, когда ослабла деятельность Навасардяна, и найти причину (отъезд, болезнь и т. п.). Можно установить, а затем и объяснить общие тенденции, характерные для собирательской деятельности. Сам Навасардян уче-

та не вел. Наш анализ восполняет существующий пробел.

Во-вторых, можно увязать динамику собирательской деятельности с содержанием (например, с подразделами содержания записей) и уточнить отношение собирателей к конкретным видам фольклора за определенные годы. Здесь, конечно, сказывается общественный интерес к отдельным видам словесности. Корреляционная таблица выявляет некоторые закономерности и взаимосвязь между временем записи и содержанием (согласно кодификатору). Такие корреляционные таблицы, где по вертикали помечены годы, а по горизонтали—отдельные подразделы фольклора, состоят из клеток, в которых

КАРТОГРАММА 2.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1881-1890 гг.)

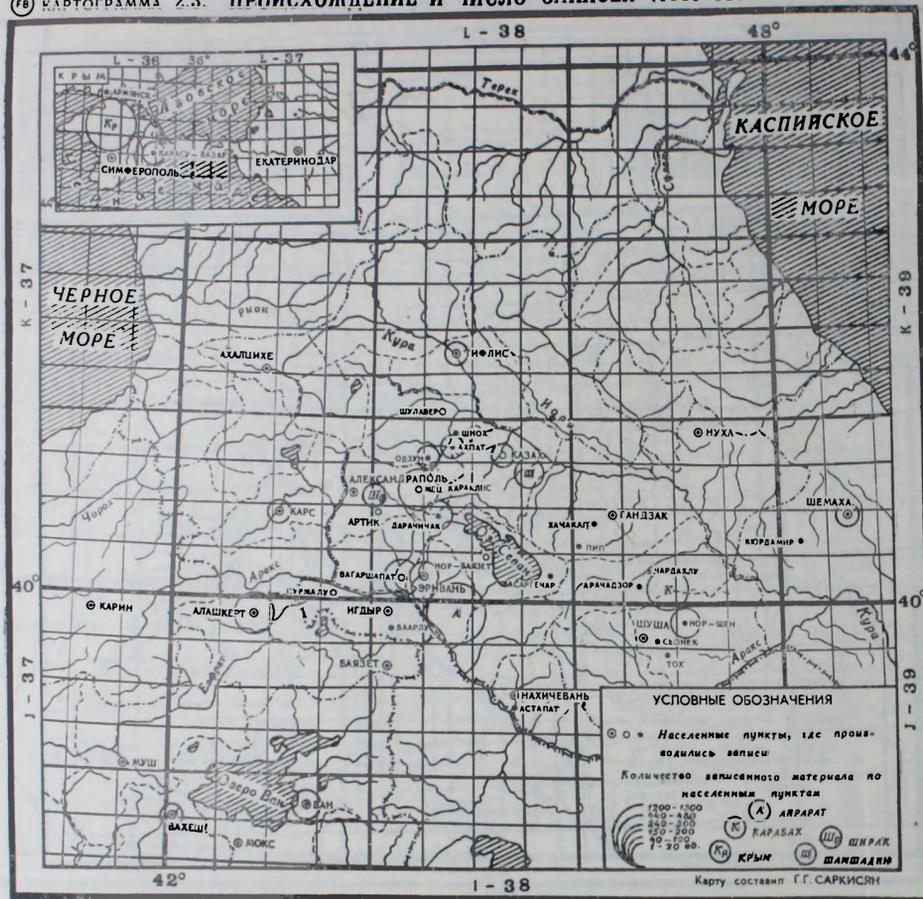

Рис. 9.

записывается число текстов. Если читать по горизонтали и составить итог, то для каждого отрезка времени (например, для десяти- или пятилетий) мы получим синхронную интересную и деятельную (результатов) собирателей. Но если мы будем рассматривать колонки по вертикали и подведем итог для каждого разряда словесности, то обнаружится особая динамика, диахрония, которая еще должна быть объяснена. Если перевести абсолютные числа в проценты, в отношении к совокупности материалов или же к совокупности отдельных отрезков времени, мы

получим очень выразительную картину, в которой находит выражение общественное отношение к фольклору.

С помощью такой методики, которая оправдала себя в работах, выполненных под руководством И. Г. Левина, в частности по фольклористике Таджикистана в диссертации М. Негматова, мы выявляем и устанавливаем точные факты, которые при их интерпретации могут оказаться существенными в культурно-историческом плане. Ценность этих фактов в их бесспорной точности и, во многих случаях, неожиданности. Но-

КАРТОГРАММА 2.4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1891-1900 гг.)

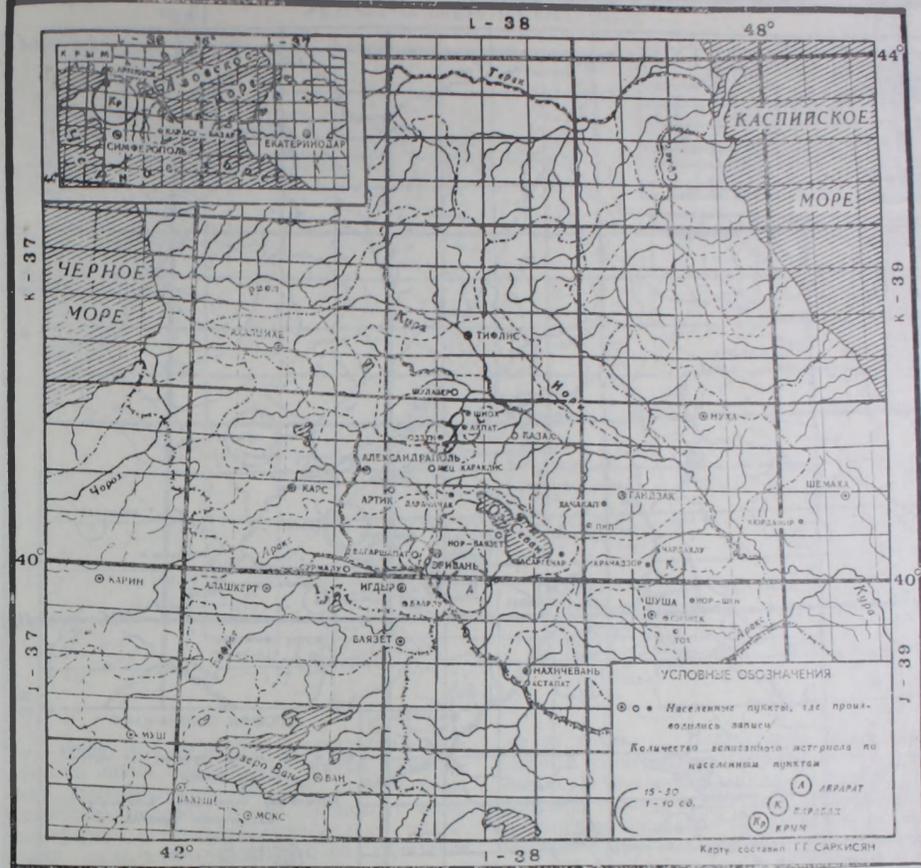

Рис. 10.

вые факты вынуждают нас искать объяснение, и в этом их несомненная польза. Приведем общую хронограмму (№ 1) архива Т. Навасардяна за весь период его формирования. По кривой хронограммы получается следующая картина. В первом десятилетии (1860—1870 гг.) получена всего 701 единица от 4 собирателей—Аракела, Григора и Александра Баатэрянов из Карабаха и Давида Шакаряна из Вана, которые позже передали Навасардяну для печати годовые сборники. Во втором десятилетии (1870—1880 гг.) получено 1373 единицы. Интенсификация—результат «национального пробуждения», чему в значительной мере способствовали Г. Срвандзтянц и его сбор-

ники. Срвандзтянц стал примером для многих собирателей и, бесспорно, поэтому коллекция этого периода многогранна по жанрам. В 1880—1890 гг. количество собранного материала составляет 2754 единицы. Такого обилия мы не встретим ни до, ни после этого периода. Подобному притоку материала, начиная с 1882 года, несомненно, способствовали и призывы Т. Навасардяна собирать фольклор. В последующее десятилетие (1890—1900 гг.) наступает спад—получено всего 755 единиц. Этот факт имеет свое объяснение. В те годы издавались также крупные этнографические и фольклорные журналы и сборники. Появилось много ак-

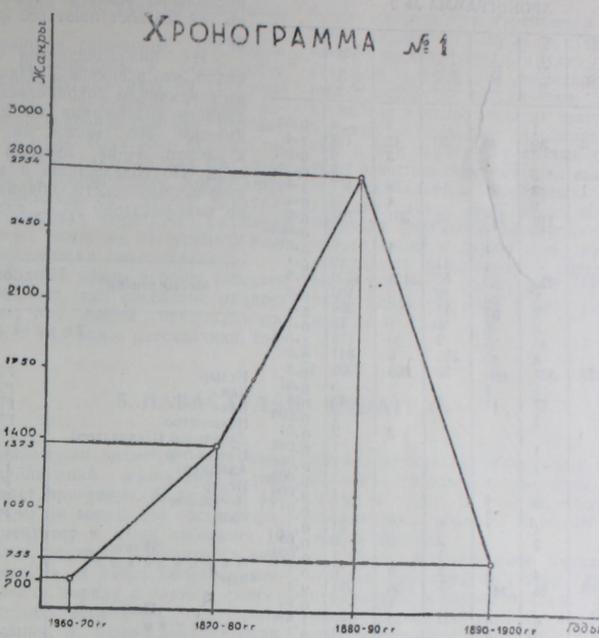

Рис. 12.

Иное дело во втором десятилетии—появляются новые фольклорные жанры (пожелания, благословения, молитвы, скороговорки, ласкательные слова и пр). Правда, в количественном отношении преобладают опять-таки вышеупомянутые виды, но появление новых жанров указывает, что они попали уже в поле зрения собирателей. Из истории армянской фольклористики мы знаем, что Г. Срвандзтянц своими опубликованными сборниками, в частности «Гроц-броц», обратил внимание собирателей именно на эти жанры, которые до этого недооценивались ими.

В третьем (1880—1890) и четвертом (1890—1900) десятилетиях наблюдаются дальнейшие тенденции к расширению жанрового фольклорного канона. Напомним, что этому способствовали и призывы Т. Навасардяна.

Таким образом, интерес к фольклорным жанрам меняется и во времени. Причина кроется опять же не в фольклоре, а в фольклористике, в расширении понимания словесности.

4.4. Язык. Язык сохранившихся материа-

лов из архива Т. Навасардяна отличается большой культурно-исторической выразительностью. Хотя Навасардян, как и вообще собиратели той поры, считал национальным фольклором лишь то, что записано на армянском языке, тем не менее корреспонденты его брали материалы и на других языках. Очевидно, записанное они считали тоже армянским в определенном смысле. Едва ли сотрудники Навасардяна намеревались записывать фольклор других народов. Это плохо увязывается с их целью «спасти от забвения» национальное наследие. Ведь даже в наше время собирательская деятельность, да и гуманитарная наука в целом еще носят не региональный, а «этнический», «национальный» характер. Каждый собиратель считает себя компетентным записывать лишь на своем родном языке и заниматься фольклором обычно своего народа. Тем более такова была установка во времена Навасардяна, когда занятие фольклором имело национально-мировоззренческую подоплеку. По всей вероятности, иные из корреспондентов Навасардяна считали необходимым записы-

ХРОНОГРАММА № 2

	1860—70	1870—80	1880—90	1890—1900	X	Общее кол-во	%
7.0.1.		1			3	4	0,03
7.0.2.	4	39	40	50	45	178	1,4
7.0.3.			1	5	3	9	0,07
7.1.1.		5				5	0,24
7.1.3.	1	3	81	14	78	177	1,4
7.1.4.		8			4	12	0,1
7.1.5.		110	227	95	361	793	6,6
7.1.6.			1		1	1	0,008
7.1.7.			1		1	2	0,01
7.1.9.			1	11	12	12	0,1
7.2.1.	121	433	789	52	3125	4520	37,9
7.2.3.		1	25	10	70	106	0,8
7.2.5.	1	7	33	15	202	258	2,1
7.2.6.		3	5	5	1	14	0,1
7.2.7.	7	45	35	2	90	179	1,5
7.2.8.		4	32	296	9	341	2,8
7.3.0.	249	537	686	25	805	2302	19,3
7.3.1.		1	1		2	2	0,01
7.5.2.		27	11	3	41	41	0,3
7.5.3.		1			1	1	0,008
7.5.5.					2	2	0,01
7.7.1.		1			1	1	0,008
7.7.2.		1			1	1	0,008
7.8.2.			1		1	1	0,008
8.1.			1		1	1	0,008
8.1.4.			2		2	2	0,01
8.2.		1	7	6	7	21	0,1
8.2.1.		2		2	2	6	0,05
8.2.2.				1	1	1	0,008
8.2.4.		4	3	1	8	16	0,1
8.3.	39	14	144	8	56	261	2,1
8.3.1.			2	1	3	3	0,02
8.4.	32	4	70	11	53	170	1,4
9.0.			14		14	14	0,1
9.1.					2	2	0,01
9.1.4.			1		1	1	0,008
9.1.7.			1		2	3	0,02
9.2.		1			3	4	0,03
9.2.1.			1		1	2	0,01
9.2.5.					3	3	0,02
9.3.			57		1	58	0,4
9.3.2.			1		1	1	0,008
9.3.3.					1	1	0,008
9.4.			3		6	7	0,05
9.5.	232	73	342	28	1792	2467	20,7
9.5.4.					2	2	0,01
9.5.5.			39		39	39	0,3
9.6.0.			1		1	1	0,008
9.6.	10	27	53	26	70	196	1,5
9.6.2.			1		1	1	0,008
9.6.5.					5	5	0,04
9.6.9.	5	19	41	89	107	260	2,1
	701	1373	2754	755	7122	12705	100,0
	5,5	10,8	21,6	5,9	56,0	100,0	

вать имеющиеся на других языках тексты местного обихода в силу их «армянских» истоков. С нашей точки зрения, это, при всех обстоятельствах, похвально, хотя современная наука давно освободилась от переоценки роли «происхождения» информатора—национального или этнического. В полевых условиях армянским фольклором считается словесность на армянском языке, даже когда генетическое происхождение записанного текста

несомненно ведет к соседнему народу. Точно так же поступают все фольклористы Кавказа.

Из нижеследующей сводной таблицы видно, что в архиве Т. Навасардяна по неясным причинам сохранилось 380 текстов различного содержания на других языках, а именно: 368 текстов на тюркском, 5—на курдском, 4—на русском и 1—на персидском. По содержанию и месту записи эти иноязычные тексты подразделяются, согласно кодификатору АСЛ, следующим образом:

Таблица 6

Место записи	Содержание	Кол-во текстов
Тюркские		
Игдыр	F7.0.2	1
Ван	F7.1.6	1
Ван	F7.2.1	19
Неизвестно	F7.2.1	300
Дарачичак (Цахкалзор)	F7.2.5	1
Неизвестно	F7.3.0	30
Алашкерт	F9.3	1
Игдыр	F9.5	2
Неизвестно	F9.5	12
Ван	F9.6	1
Итого:		368
Персидские		
Ван	F7.2.1	1
Итого:		1
Русские		
Екатеринодар	F7.2.6	4
Итого:		4
Курдские		
Ван	6.4.2	1
Ван	7.2.1	1
Неизвестно	7.2.1	3
Ван	7.5.5	1
Неизвестно	8.3	1
Итого:		7

Наличие нескольких языков не должно удивлять: исторически сложилось так, что армянский народ веками находился под персидским и турецким владычеством и господствующим «межэтническим» языком становился персидский или турецкий. Знаменательно, что в то время в Екатеринодаре уже были сделаны 4 записи по-русски. Остальные языки не зонированы: тексты на остальных трех языках встречаются, например, в записях из Вана. Иноязычный материал архива Навасардяна заслуживает внимания и в других отношениях.

В заключение обзора необходимо обратить внимание на то, что многие материалы записывались для составления диалектных словарей. Достоверности записей и языко-

вой стороне в целом было уделено достаточно внимания.

По имеющимся сведениям, некоторые произведения исполнялись, в особенности профессионалами-ашугами сразу на двух языках: по-армянски и по-турецки. Подчас исполнитель демонстрировал умение переводить с языка на язык. Несколько четверостиший на двух языках служили как бы увертюрой к сказке на одном языке. Когда ашуг замечал, что внимание слушателей притупилось, он рассказывал короткую смешную басню (возможно, опять же на турецком языке) и вновь продолжал свою сказку.³

Такой свободный прием хорошо известен и в других районах, где население владеет двумя языками. Мы можем предположить, что слушатели, а тем более рассказчики, сво-

бодно владели как турецким и персидским, так и армянским языком, и отчуждения слушатели не испытывали. Трудно сказать относительно всех жанров, но, например, в отношении сказок ни рассказчики, ни слушатели не видели в языке никаких преград, и им бы в голову не пришло, что собиратели, пришедшие к ним записывать сказки, серьезно считают повествования на армянском языке «чисто национальным наследием». Кстати, такие двуязычные зоны очень способствовали переходу фольклора от народа к народу, из одного языка в другой и формированию региональных репертуаров, образованию мировой общности культуры, в чем армяне сыграли известную роль в силу расселения по многим странам.

5. НАВАСАРДЯН—ИЗДАТЕЛЬ

Тигран Навасардян является издателем 12 крупных публикаций фольклора и уже этим заслуживает признания. В историю армянской культуры он вошел как составитель, издатель, комментатор и даже наборщик 10 сборников сказок, ставших подлинными «народными книжками», и занял почетное место в сказковедении наряду с такими своими известными предшественниками, как братья Гримм в Германии, А. Афанасьев в России.

Учитывая то, что Т. Навасардян был не только издателем, но и составителем, организатором и собирателем материала, следует ожидать, что в изданиях фольклорных материалов выявятся также его научные взгляды. К сожалению, Навасардян не оставил ни программных, ни методических работ и его научные позиции пришлось извлекать из всей деятельности в области фольклора, в частности из издательской деятельности. Кроме того, наш обзор преследует также источниковедческую цель. Она заключается в выяснении текстологических особенностей тех 10 томов сказок, которые служили до недавнего времени основным источником для получения достоверных сказочных текстов армянского репертуара. От содержания этих книжек зависело и представление об армянских сказках.

Эдичионные принципы Т. Навасардяна представляют научно-исторический интерес именно сейчас, когда в советской фольклористике обсуждается вопрос составления сводов.

Армянскую народную словесность стали публиковать в фольклористических целях еще в середине XIX в. Зачинщиком оказался, по-видимому, журнал «Базмавел», издававшийся в Венеции. В 1843 г. там появляется

анонимная статья, обратившая внимание на ценность народной словесности (песен, преданий и т. д.). В этом журнале затем публиковались образцы народной поэзии и прозы (басни).

После присоединения Кавказа к России местные журналы и газеты приступают к публикации образцов преданий и сказок народов Кавказа в русском переводе. Среди этих материалов попадаются и тексты, записанные от армян. Однако достоверность этих текстов сомнительна. В послесловии к сборнику кавказских сказок на немецком языке (1978) И. Левин описывает процесс накопления и издания кавказских фольклорных материалов, указывая при этом на роль литературных вкусов учеников школ, которые и были основными «поставщиками» текстов для публикации в различных сборниках. Следует отметить, что изложения армянского фольклора на русском языке действительно отличаются вольностью переводов и стилизацией. Более достоверны материалы, опубликованные в армянских периодических изданиях: «Астхик аревелян», «Мегу Айастан» (1859), «Крунк» (1860), «Арцруни Васпуракан» (1861) и т. д. Примечательно, что армянские журналы, в отличие от русских, отдавали предпочтение именно поэзии. Это понятно, так как передача любых видов народной словесности, кроме сказок и преданий, представляет для переводчика большие трудности.

Систематическое издание полевых записей, преимущественно прозы, на армянском языке было начато именно Т. Навасардяном. Хотя во многих отношениях Срдандзянц может заслуженно считаться предшественником и даже пионером в издании армян-